

НЕФТЕГАЗОВАЯ ОТРАСЛЬ ЭКОНОМИКИ РФ: РЕСУРСНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

THE OIL AND GAS INDUSTRY
OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN
FEDERATION: RESOURCE DEPENDENCE
AND THE POTENTIAL OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT

Y. Zabaikin
Z. Nazarova
O. Roshchina
E. Knyazeva
K. Boyko
Z. Shidiev

Summary. The article analyzes the specifics of the macroeconomic concepts of the “resource curse” and the “Dutch disease”, which are exclusively relevant for Russian reality with its export-raw material orientation. It was stated that the prospects for effective economic development of a resource-rich country should not be focused only on overcoming the “resource curse”. According to the authors of the article, the increase in the global competitiveness of the Russian economy should also be associated with the optimization and stimulation of the innovative development of the oil and gas industry to the benefit of maintaining the achieved positions in the global energy market while further harmonizing the national economic system. The main endogenous (first of all, structural and technological) and exogenous difficulties (in particular, geopolitical contradictions and sectoral sanctions), which restrain the restructuring of the oil and gas industry of Russia, were identified.

Keywords: raw materials, hydrocarbons, oil and gas industry, resource availability, resource curse, Dutch disease.

Забайкин Юрий Васильевич

К.э.н., доцент, МГРИ–РГГРУ

79264154444@yandex.com

Назарова Зинаида Михайловна

Д.э.н., профессор, МГРИ–РГГРУ

Рощина Ольга Евгеньевна

Д.э.н., профессор, МГРИ–РГГРУ

Князева Екатерина Васильевна

Аспирант, МГРИ–РГГРУ

Бойко Кирилл Николаевич

МГРИ–РГГРУ

Шидиев Заур Маусович

МГРИ–РГГРУ

Аннотация. В статье проанализирована специфика макроэкономических концепций «ресурсного проклятия» и «голландской болезни», исключительно актуальных для российской действительности с её экспортно-сырьевой ориентацией. Констатировано, что перспективы эффективного экономического развития ресурсообеспеченной страны не должны быть сконцентрированы лишь на преодолении «ресурсного проклятия». По мнению авторов статьи, повышение глобальной конкурентоспособности экономики России также должно быть связано с оптимизацией и стимулированием инновационного развития нефтегазовой отрасли на благо удержания достигнутых позиций на мировом рынке энергоносителей при дальнейшей гармонизации национальной экономической системы. Выделены основные эндогенные (в первую очередь, структурные и технологические) и экзогенные сложности (в частности — геополитические противоречия и секторальные санкции), сдерживающие реструктуризацию нефтегазовой отрасли России.

Ключевые слова: сырьевые ресурсы, углеводороды, нефтегазовая отрасль, ресурсообеспеченность, проклятие ресурсов, голландская болезнь.

В существующих условиях геополитического хаоса и гибридных войн решение вопросов оптимизации использования природных ресурсов России (в частности — нефти и газа) становится важнейшей и исключительно актуальной задачей сохранения национального суверенитета, повышения качества жизни россиян, обеспечения социально-экономической защищенности и устойчивости нашей страны.

Добыча и использование нефтегазовых ресурсов в экономических связях — одна из самых многогранных, неоднозначных и обсуждаемых проблем, исследуемых как в российской, так и зарубежной научной и экспертной литературе. Распространенной является теория «ресурсного проклятия», декларирующая инновационно обусловленную экономическую развитость стран,

характеризуемых дефицитом природных ресурсов, с одной стороны, и примитивизацию процессов хозяйствования при недостаточных темпах экономического роста в странах, богатых в ресурсном отношении, с другой. Хотя устойчивое словосочетание «ресурсное/сырьевое проклятие» предполагает рассмотрение всего спектра добычи минерального сырья, в последние годы акценты перенесены в сферу изучения политических и экономических рисков обширного экспорта углеводородов. Противопоставление таких стран, как Япония, Сингапур с одной стороны, и Российской Федерации и стран ОПЕК с другой, подтверждает существование подобной зависимости.

Эффект «ресурсного проклятия», по оценкам ученых, тесно взаимосвязан с феноменом «голландской

болезни» (при этом оценки того, какой из этих экономических феноменов является первичным, разнятся). С позиции разрушительного воздействия на экономику в долгосрочной перспективе опасность «голландской болезни» заключается в отвлечении экономических ресурсов из технологичных, генерирующих инновации и открытых для них обрабатывающих отраслей промышленности в добычу сырья и сферу услуг, которая всегда выигрывает от роста номинального благосостояния. Укрепление национальной валюты на базе экстра-доходного экспорта делает национальные товары менее конкурентоспособными по сравнению с товарами других стран как на мировом, так и на внутреннем рынке. В результате спрос на национальные товары снижается, что ведет к сокращению их производства и дальнейшей деиндустриализации [16].

Рассматривая специфику воздействия данных макроэкономических теорий на примере экономики России, необходимо указать, что наша страна обладает крупнейшими и интенсивно разрабатываемыми запасами углеводородов. Благоприятная ценовая конъюнктура, существовавшая на мировых рынках энергоносителей в первом десятилетии XXI века, обеспечившая Россию значительными доходами от экспорта ресурсов, способствовала общему повышению платежеспособного спроса, что позволяло российскому бизнесу наращивать производство без соразмерного повышения инвестиционной активности: так, за период 1992–2015 гг. доля инвестиций в основной капитал в ВВП России в среднем составляла всего 17,6%, а за период максимального роста цен на углеводороды в 1999–2008 гг. — 17,2%, что не является достаточным для обеспечения расширенного воспроизводства экономики. Кроме того, повышение налоговой нагрузки на сырьевой сектор с целью изъятия сверхдоходов хоть и позволило сформировать суверенные стабилизационные фонды, но, по сути, лишь забирало финансовые ресурсы из экономики и не способствовало значительной активизации инвестиционных процессов. Несовершенство российского рынка капитала сдерживало доступ отечественных предприятий к долгосрочному кредитованию, однако смягчалось наличием возможности использования внешних заимствований. Вместе с тем это, в свою очередь, создавало новые риски и угрозы, нашедшие выражение в условиях девальвации рубля в 2008 и 2014 гг. Вызванный данными условиями низкий уровень инвестирования привел к обострению проблемы износа основных производственных фондов, уровень которого вырос с 41,9% в 1999 г. до 45,3% в 2008 г., продолжив свой рост до 49,4% в 2015 г. [1, 3, 16].

Обострение геополитического соперничества, деструктивное и необоснованное воздействие западных экономических санкций заставило российские биз-

нес-структуры столкнуться с резким ограничением доступа к внешнему финансированию, отягощенному значительным ростом процентных ставок внутри страны. Эти факторы лишь пролонгировали процессы недостаточной инвестиционной активности и ухудшали перспективы восстановления экономики нашей страны. Однако при общем снижении инвестиций за период 2014–2016 гг. на 12,2%, инвестиции в добычу полезных ископаемых увеличились на 22,5% [12]. Таким образом, рассмотренные процессы привели к формированию в России экономики исключительно экспортно-сырьевого типа, переориентация которой не стала интересна экономическим агентам даже в период ярчайшего проявления сформированных проблем. Подобная направленность экономического развития обеспечила деформацию модели поведения субъектов хозяйствования с производительной и новаторско-предпринимательской на ориентированную на поиск ресурсной ренты, а модель поведения государственных управленцев — с рационализированно-бюрократизированной (в рамках идеального типа бюрократии по М. Веберу) на коррупциогенную и также рентоориентированную. По сути, превращение экспорта сырья в основной регулятор федерального бюджета и высокая концентрированность экспорта сформировала исключительную уязвимость страны к внешним шокам на мировых рынках.

Несмотря на многочисленные научные работы, распространившие макроэкономические концепции «ресурсного проклятия» и «голландской болезни», представляется, что примеры США, Норвегии, ОАЭ опровергают наличие подобной взаимосвязи между сырьевым богатством, качеством экономического развития и темпами экономического роста. Все больше современных исследователей указывают, что концепция «ресурсного проклятия» в современных условиях не находит достаточных подтверждений, а природные ресурсы при грамотном их использовании (что остается актуальным, впрочем, и для ресурсов иных типов) оказывают исключительно благотворное влияние на экономику. Дополнительно целесообразно сделать акцент на излишней политизированности концепций «голландской болезни» и «ресурсного проклятия». Ссылаясь на них, действительно удобно объяснять парадоксы и провалы экономического роста в ресурсообеспеченных странах, не углубляясь в анализ реальных предпосылок и факторов, обуславливающих качество и специализацию экономического развития [13].

«Проклятием» России необходимо признать не собственно её богатство ресурсам, а неэффективность государственного управления и отсутствие механизмов, стимулирующих стратегический подход к ведению бизнеса в данной сфере. В этой связи использование тезиса о деструктивной экспортно-сырьевой зависимости России

дезинформирующе и неэффективно. Более конструктивным представляется переход к оценке и формированию в обществе восприятия богатства природными ресурсами как естественной уникальности и избранности России, специализация на добыче которых (конечно, развиваемая в конструктивном направлении) не является признанием отсталости экономической системы и народа в целом. За счет использования мультипликативного эффекта доходы от добычи природных ресурсов целесообразно рассматривать как возможность для развития других отраслей. Более того, именно энергетика, неразрывно связанная с потреблением природных сырьевых ресурсов, является основой любой экономики (в том числе и цифровой), а сам процесс добычи и переработки сырья обуславливает необходимость непрерывного научного прогресса и совершенствования технологий. Учитывая данные предпосылки, Россия не должна отказываться от развития нефтегазовой отрасли. Сохраняя эту сферу, важно ускорить её развитие на основе внедрения инновационных разработок и углубления перерабатывающих индустрий, попутно инвестируя средства и в другие отрасли хозяйствования для создания гармоничной экономической системы.

Значительно снижают потенциал устойчивого развития российского нефтегазового комплекса замедленные процессы его реструктуризации. По оценкам экспертов, поддержание уровня добычи в пределах 525–530 млн. т даже в среднесрочной перспективе требует разработки трудно извлекаемых запасов нефтяных ресурсов на шельфовых месторождениях в Арктике. Также необходимо учесть, что запасы нефти на разрабатываемых в настоящее время месторождениях выработаны более чем на 65% в европейской части России и более чем на 70% — на Урале и в Поволжье. Современный уровень добычи нефти на 77% обеспечивается за счет разработки крупных месторождений, запасов которых хватит еще на 8–10 лет [14]. Сложность ввода в эксплуатацию новых месторождений заключается в том, что на действующих месторождениях себестоимость добычи нефти существенно ниже, чем на новых по объективным причинам, начиная от масштабов самих месторождений и заканчивая их геологическими особенностями — как правило, это месторождения с ТРИЗ и шельфовые месторождения. Кроме того, необходимо систематически проводить разведку новых месторождений. Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время порядка 70% нефти добывается на таких крупных месторождениях, как Самотлор, Уренгой, Ромашкинское, Ванкорское и др., но уже в недалекой перспективе прирост добычи нефти будет обеспечиваться за счет более мелких месторождений, начальные объемы извлекаемых запасов на которых не превышают 10–15 млн. тонн. В целом структура минерально-сырьевой базы (МСБ) природного газа в России более благоприятна, чем структура МСБ нефти, од-

нако тенденции происходящих изменений имеют много сходства. Такая ситуация связана с тем, что на протяжении многих десятилетий в России традиционно велась выборочная добыча запасов легкодоступного «сухого» газа, что постепенно ухудшало структуру МСБ [17]. Для того, чтобы поддерживать достигнутый уровень добычи в ближайшей перспективе необходимо приступить к активизации освоения запасов так называемого «жирного» газа и газа, содержащего конденсат.

С целью решения данных проблем, конечно, необходимо поступательно работать над поиском и нахождения оптимального вектора совершенствования налогового законодательства. Дополнительно с целью оптимизации процессов разработки новых месторождений, углубления процессов переработки сырья, общего преодоления технологического отставания и импорто-технологической зависимости были разработаны стратегии развития инновационного импортозамещения, основные положения которых зафиксированы в таких нормативных актах, как «Энергетическая стратегия России на период до 2035 года»; «Стратегия развития энергомашиностроения Российской Федерации на 2010–2020 годы и на перспективу до 2030 года»; «План мероприятий по снижению зависимости российского ТЭК от импорта оборудования, технических средств, комплектующих, услуг (работ) иностранных компаний и использования иностранного программного обеспечения». Импортозаместительная стратегия разделена на несколько этапов, переход между которыми должен осуществляться по мере достижения установленных значений ключевых показателей. С 2018 по 2020 годы предполагается сократить импорт оборудования до 8% за счет увеличения локальных закупок до 92%. С 2020 по 2030 годы сокращение импорта оборудования должно достигнуть 3–5% при росте локальных закупок [4]. При этом основными целями импортозамещения как одного из стратегических направлений развития нефтяной отрасли российской экономики являются: повышение конкурентоспособности продукции национальных производителей; снижение, а в дальнейшем ликвидация зависимости России от экспортируемых технологических решений; стимулирование технологического совершенствования комплектующих и оборудования для добычи нефти.

Инновационное развитие сектора должно стимулироваться как на уровне корпораций, так и на уровне государства и наднациональных объединений в контексте повышения экологической безопасности и экономической недропользования. Непосредственно создание, внедрение и коммерциализация инноваций могут совершаться субъектами трех уровней:

- ◆ крупными вертикально-интегрированными корпорациями, играющими центральную роль в тех-

нологическом развитии сектора и формирующемся спросом на новые технологические решения;

- ◆ независимыми нефтегазовыми компаниями, оперирующими меньшими ресурсами и ведущими свою деятельность более гибко и адаптивно, в том числе — на сложных месторождениях, где необходимо применение новых технологий;
- ◆ обеспечивающие нефтесервисные компании, производящие в условиях возрастания интереса к аутсорсингу значительную часть технологических инноваций, связанных с разведкой и добычей нефтегазовых ресурсов [4].

Вместе с тем, подобное трехуровневое развитие в условиях России существенно затруднено ввиду сосредоточения основного объема добычи нефтегазовых ресурсов в группе крупнейших вертикально-интегрированных нефтяных компаний. Подобная структура сектора во многом обусловлена подходом к организации нефтегазовой промышленности, который применялся ещё во времена СССР и был связан с опорой на освоение крупнейших месторождений. Несмотря на предпринятые в 1990-х гг. в ходе приватизации попытки преобразований, государству так и не удалось преодолеть инерционность организационной структуры. Более того, в последнее десятилетие наблюдается даже усиление прямого участия государства (в виде роста доли госкомпаний) в деятельности нефтегазового сектора, что приводит к использованию режима «ручного управления», тормозящего развитие независимых нефтегазовых компаний, не обладающих необходимыми лоббистскими ресурсами. Так, например, в Соединенных Штатах Америки США насчитывается более 14000 компаний-операторов, отвечающих за разработку нефтегазовых месторождений (в том числе компании мирового уровня — ExxonMobil, Chevron, ConocoPhillips), при этом на 10 крупнейших операторов приходится около 54% доказанных запасов нефти и 48% природного газа, что является относительно невысоким уровнем концентрации [6, 14].

В этой связи дискуссионным остается вопрос о необходимости формирования кластеров в отрасли. С одной стороны, задача кластеризации нефтегазового сектора

отражена в «Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года», поскольку, по экспертным оценкам, объединенные в рамках кластера предприятия функционируют более эффективно, опираясь на наиболее специализированные активы и повышенную скорость диффузии инноваций. С другой стороны, рассмотренные проблемы в структуре отрасли уже сами по себе являются следствием сохранившегося со времен СССР направления к формированию крупных региональных взаимосвязанных комплексов нефтегазодобычи, подконтрольных государству. Внедрение кластероориентированного подхода может лишь усугубить данную особенность нефтегазовой отрасли России.

Таким образом, вопросы существования обратной взаимозависимости между уровнем экономического роста и развития государства и его ресурсообеспеченностью продолжают оставаться дискуссионными в современной научной и экспертной среде. Так или иначе, ни концепция «голландской болезни», ни теория «ресурсного проклятия» не являются доказательством того, что экономическое развитие и качество жизни в странах с данными эффектами стало бы выше и лучше при отказе от политики интенсивного недропользования. Мы полагаем, что для Российской Федерации является нецелесообразным отказ от развития нефтегазовой отрасли в пользу исключительного акцентирования управленческих, финансовых и трудовых ресурсов на столь трендовом сегодня направлении формирования нематериальной цифровой экономики. Напротив, необходимо сохранять и углублять «нефтегазовую специализацию», ускорять рост и развитие данной отрасли на основе внедрения инновационных разработок и совершенствования перерабатывающих индустрий, попутно инвестируя средства и в другие отрасли хозяйствования для создания диверсифицированной экономической системы, исключительно конкурентоспособной на мировом рынке сырья, но также защищенной от внешних «шоков», геополитического давления и агрессии. Работа в данном направлении требует стратегического инновационного импортозамещения, интегрирующего возможности государства и бизнеса по созданию, коммерциализации и применению инновационных технологий отечественной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейзеров Н.А., Васильева С.А., Фортуна Е.Д. Голландская болезнь в России — проблемы и решение // Ученые записки Международного банковского института. — 2015. — № 11 (2). — С. 37–44.
2. Бирюков С.В. Политэкономия ренты и Россия. Существует ли средство от «голландской болезни»? // Общественные науки и современность. — 2015. — № 2. — С. 20–30.
3. Гильмундинов В.М. Новые аспекты «голландской болезни» экономики России в условиях санкций: риски и рецепты // Идеи и идеалы. — 2017. — Т. 1. № 1 (31). — С. 68–81.
4. Дежина И.Г., Спасенных М.Ю., Фролов А.С., Арутюнян А.Г., Мясников А.В., Вершинин А.В., Смирнов Н.Ю., Осипцов А.А. и др. Актуальные технологические направления в разработке и добыче нефти и газа / под науч. ред. Дежиной И.Г., Мясникова А.В., Коротеева Д.А. — М: БИТУБи, 2017. — 220 С.

5. Ермакова А.А., Калинин Д. Д. Влияние нефтегазового сектора на развитие экономики в России // Бенефициар. — 2017. — № 15. — С. 65–68.
6. Кородюк И.С., Трофимов С.Е. Нефтегазовый комплекс России как объект государственного регулирования // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8. № 2. — С. 18.
7. Королев П. Ю. Сырьевой экспорт России: тиски, проклятие или осознанная необходимость? // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2016. — № 4 (60). — С. 70–75.
8. Куян М. А. Ресурсное проклятие России: миф или реальность? // Вестник Омского университета. — 2016. — № 1. — С. 140–143.
9. Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Тарасов А.Г. Роль внешнеэкономической составляющей в развитии российской нефтяной отрасли // Управленец. — 2017. — № 6 (70). — С. 28–39.
10. Ларин С.Н., Стебеньяева Т. В., Знаменская А. Н. Мероприятия и механизмы импортозамещения в рамках стратегии развития нефтяной отрасли российской экономики // Успехи современной науки. — 2017. — Т. 3. № 2. — С. 7–14.
11. Легусова О.Н., Цацкин В. В. Современное состояние нефтяной промышленности и тенденции её развития // Новая наука: Проблемы и перспективы. — 2016. — № 6–1 (85). — С. 154–159.
12. Николаев М.А., Махотаева М. Ю. Основные составляющие инвестиционной безопасности и их оценка // Научно-технические ведомости СПбГПУ. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 34–45.
13. Садовская В.О., Шмат В. В. Парадокс «ресурсного проклятия»: межстрановой анализ // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61. № 3. — С. 25–35.
14. Соколов Н.А., Ларин С. Н. Перспективы развития нефтегазового сектора российской экономики в условиях реализации программ импортозамещения // Бюллетень науки и практики. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 191–206.
15. Трубицын Д. В. Исследование ресурсного проклятия в экономике, возможности использования их результатов в концепции модернизации // Ученые записки Забайкальского государственного университета. — 2014. — № 4 (57). — С. 102–113.
16. Школьнова Д. А. Проблема голландской болезни в экспортно-сырьевой экономике // Проблемы современной экономики (Новосибирск). — 2014. — № 20. — С. 17–22.
17. ВЗГЛЯД. Нефтегазовая отрасль одержала в 2017-м несколько важных побед [Электронный ресурс]. — URL: <https://vz.ru/economy/2017/12/28/901625.html>

© Забайкин Юрий Васильевич (79264154444@yandex.com), Назарова Зинаида Михайловна,
 Рощина Ольга Евгеньевна, Князева Екатерина Васильевна, Бойко Кирилл Николаевич, Шидиев Заур Маисович,
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГРИ-РГГУ